

Собенинских Рукины
12. III. 57.

НАВСТРЕЧУ ВТОРОМУ
ВСЕОБЩЕМУ СЪЕЗДУ
КОМПОЗИТОРОВ

ПЕСНЯ И ЖИЗНЬ

интонации, мелодии,
равно пригодные для
выражения различ-
ных национальных

1. Они облетели весь мир...

Это уже, кажется, стало своего рода «кричалом»: каждое высказывание о советской песне — печатное ли, устное — начинать со слов «нам песня строить и жить помогает», крылатой фразой, рожденной песней И. Дунаевского и В. Лебедева-Кумача.

Отойду от установленных «правил» и начну с другого: с популярности ряда советских песен на земном шаре, с того, что всем известно, но что надо еще и еще раз подчеркнуть, не ради хвастовства, а во имя того, чтобы каждому, кто причастен к созданию советской песни, глубоко осознать всю важность, политическую важность работы в данном жанре.

Да, наши многие песни облетели весь мир, проникли даже туда, где их не ждут и не жалуют — в капиталистические страны. «Широка страна моя родная», «Расцветали яблони и груши», «Эту песню не задумишь, не убьешь» — разве эти, да и многие другие слова не волнуют миллионы сердец, разве их не повторяют там, где больше наших врагов, чем друзей, где таким песням трудно звучать, ибо они находятся под запретом властей имущих и их хранят как «заклания» борьбы те, кому дорого счастье своего народа, счастье народов всего мира.

Песню не запретишь — она проникает сквозь всяческие кордоны и преграды, но ведь ее не «навязывают» — пробивает-то она дорогу в человеческим сердцам сама. Значит, есть в советской песне особая притягательная сила, дающая ей такие животворные, жизненные соки, есть в ней свои особые «приемы», качества, выводящие ее на мировую арену! И эти «опознавательные» признаки очень точны: высокая идейность, содержательность, народность. Оговорюсь сразу: высокая идейность отнюдь не означает, что в тексте должны фигурировать слова и выражения, употребляемые в теоретических статьях, в газетных передовицах. Та песня, которая несет в себе светлое человеческое чувство, возвышает слушателя, вселяет в него оптимизм и веру в будущее, закаляет волю в борьбе за это будущее, всегда будет идейной. И содержательность не предопределяет непременно «всесмысловый», трагический или драматический текст: в коротенькой пугалке-песне может быть очень глубокое содержание, а в фундаментальной — можно захватить лишь поверхностный пласт.

Оговорюсь и по поводу народности: она не определяется количеством цитат, подлинных попевок. Опора на народные традиции, но поныне своего яркого, неповторимого новаторского решения темы — такова традиция советской песни.

В традициях лучших советских песен — глубинность жизненных пластов, которые они взрывают, умение найти в жизни не вчерашнее «отзвучавшее», а то, что рождено сегодня и чего не могло быть раньше. И это новое ощущается во всем — в темах, образах, языке композитора. Мог ли, к примеру, А. В. Александров в условиях мирного времени говорить таким языком, каким он заговорил в своей «Священной войне» — языком народа, готового на все во имя спасения Родины! И, наоборот, такой эмоциональный взлёт-возвращение мы не ощутили бы и в «Соловьях» или же «Где же вы, друзья-однополчане» Соловьева-Седого, если бы они не родились на фронтах Отечественной войны!

2. Идти в ногу с жизнью

По праву песенники считаются как бы разведчиками, зоркому взгляду которых доступно увидеть в жизни то, что другим еще неприметно. Разве не в песне прежде всего рождался музыкальный образ советского человека, советского героя, раскрывающий отдельные черты его характера, его богатый духовный мир, его жизнерадостность, мужество, патриотизм, гуманность? И именно в песне в первую очередь определялись средства музыкальной выразительности для создания собирательного портрета «героя нашего времени». Да иначе и быть не могло. Все формы искусства рождены действительностью, живой жизнью. И так же, как в жизни, мы находим элементы драматические, поэтические, родившиеся в искусстве поэму и драму, в ней можно обнаружить и элементы песенные, то есть такие явления, для которых самой органичной формой художественного воплощения может явиться только песня.

Вот умение «выхватывать» песней из жизни именно то, что в песню проясняется, что для нее предназначено, что иными средствами художественного творчества не может быть выражено равноценно или даже лучше — это не приходит само собой: это достигается путем глубокого изучения художником жизни, изучения людей — их труда, быта, мыслей, характеров.

Мы очень часто говорим, что песня самый мобильный, самый активный жанр музыкального искусства, способный живо откликаться на события дня, на информационные сводки, газетные заметки. Однако как просто, легко и неправильно понимается порой у нас эта мобильность, как часто спекулятивно используется!

Вот, к примеру, новое явление: награждение целых республик и областей, а также множество передовиков сельского хозяйства орденами за высокий урожай, полученных в прошлом году. Нужно ли говорить о государственной, политической значимости этого явления! Нет сомнения, что данный факт не останется незамеченным поэтами-песенниками и композиторами. Но можно заранее

предвидеть, сколько поделок родится в отклик на это явление, поделок, а не песен, где авторы, комбинировав слова из газетных корреспонденций, составляют текст, который легко «ложится» на музыку, вполне достойную такого текста.

Недавно в Союз композиторов обратились с просьбой работники московского станкостроительного завода «Красный пролетарий»: «Дайте нам песню к столетию нашего завода». Правомерна ли их просьба? Вполне правомерна. Однако я не думаю, чтобы такую песню можно было написать, не поислав жизненного материала непосредственно в цехах этого или другого крупнейшего завода. Надо сказать, работники завода «Красный пролетарий» не одиноки: давно ждут от нас песен шахтеры, студенты, целинники, армейцы, ждет наш «современный герой».

Потребность народа в новых песнях весьма велика. Увы, к стыду нашему, надо признать, что эта потребность удовлетворяется в настоящее время плохо. Сейчас, пожалуй, песенников уже не назовешь разведчиками. Песня не высвечивает жизнь, не идет с ней в ногу, а тащится сбоку ее, не по главной дорожке, а по обочине.

Мы давно говорим о застое песни. Но за последние годы мы даже кое-что потеряли из того, что было накоплено в нашем песенном арсенале.

Складывается такое впечатление, что мы, композиторы, не успеваем подхватывать то, что волнует народ, то, чем он живет. Кое-кто из нас стал, как говорится, жирком обрастать, потерял подвижность и приобред пресловутую маститость. И вспоминаю военные годы: приходилось писать песни где-то по дороге, караулом, прямо на коленях. И хорошие песни получались! А теперь поэты и композиторы не вытаскивают ни в армию, ни на завод, ни на целинные земли. Но откуда же в наших просторных кабинетах могут появиться новые художественные образы, которые несли бы в себе дыхание живых событий и человеческих судеб? Неужели для этого достаточно одних воспоминаний о прошлых днях да одной лишь творческой фантазии. Ведь и творческая фантазия ничего не может создать стоящего, если она будет работать на холостом ходу, а не обрабатывать живые впечатления бытия, живые факты действительности.

Можно, конечно, сделать песню на профессиональных приемах. Но в такой песне будут не подлинные, а лишь поддельные чувства, как бы ни тонка была подделка, как бы искусно ни маскировалась она под нечто настоящее. И, как всякая подделка, такая песня имеет дешевую цену.

И если мы хотим по-настоящему отразить в своем творчестве будни коммунистического строительства, нам следует идти в глубь человеческого чувства, примечать в людских сердцах то новое, светлое, что там зародилось или еще только зарождается, что расцвело или только расцветает. Духовная красота советского человека, строящего коммунизм, — вот что прежде всего просится в песню, вот тот элемент действительности, который несет в себе неуязвимость песенного жанра.

Напомню, что народ никогда не смотрел на песню, как на что легкое. Песня для народа — всегда серьезнейшее дело. В ней — мудрость народа, глубокая мысль. Народное творчество поистине всеохватно по своей тематике, по богатству красок, по фантазии, неисчерпаемой изобретательности. Буйное веселье и глубокая печаль, тысячи (именно тысячи!) лирических состояний — вот что характеризует народную песню.

Именно этим отличалась всегда и должна отличаться сейчас наша советская песня от буржуазной, где стремление — поменьше мыслей, полегче. Там не важен ни текст, ни новизна языка, основное — «удобоваримость» мелодии и ритма. Можем ли мы идти такими путями? Конечно, нет. Это противоречит всему нашему образу мысли, мировоззрению, пониманию задач искусства.

Очень важно для песни — ощущение современности. Существует, а бы сказал, своеобразная интонация времени. И наиболее громко звучит та песня, которая улавливает этот дух времени и передает ее на свой лад. Можно вспомнить, как импонируют довоенному настроению нашей молодежи слова, «И тот, кто с песней по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет... Но вот страна подверглась нападению гитлеровских полчищ, и настроение нашего народа резко изменилось. Это новое настроение вылилось в песне «Священная война». Общепризнанный успех созданного мной с поэтом Львом Ошаниным «Гимна демократической молодежи» я также объясняю тем, что он оказался современным, отвечающим духу послевоенных лет.

Я не могу в каких-то определенных формулах выразить того, что можно назвать «настроениями 1957 года». Но такое настроение есть, и если кому-то из композиторов и поэтов удастся «поймать» эти «думы народные», мы получим песню, которая быстро облетит всю страну.

3. Мастерство

Мы много говорим сейчас о композиторском мастерстве, и это вполне естественно: богатство жизненного содержания само по себе еще не дает хорошей песни, надо уметь облечь это содержание в лабоничную и яркую форму. Однако мастерство композитора-песенника не исчерпывается пусть даже самым обстоятельным знанием специфических особенностей песни как жанра, самых раз-

Анатолий НОВИКОВ

личных приемов и средств создания песни.

В мастерстве композитора мне представляется главным — способность создать яркий, оригинальный, неповторимый музыкальный образ. В чем чарующая прелесть таких песен, как «Ермак», «Из-за острова на стрежень», «Смело, товарищи, в ногу» и других? В том прежде всего, что они самобытны, что они не повторяют того, что наличествует в других песнях, пусть даже на сходных темы.

И, мне кажется, нам в Союзе композиторов надо говорить не только о гармонизации, о фактуре и т. п., а главным образом о создании впечатляющего музыкального образа. И тогда будет разговор творческий, а не школярский и не делаческий.

Ведь о песне сейчас у нас говорят не как о художественном произведении: ее расценивают, как товар, который можно продать, купить. В композиторской среде мало сейчас бывает острой принципиальной критики, когда бы мы указывали друг другу: вот, мол, здесь ты не туда пошел...

И еще одна беда: мы мало, плохо изучаем богатейшее народнопесенное наследие, хотя клятва о верности народному произношению повседневно, и порой мы даже просматриваем сборники народных песен, так сказать, изучаем фольклор. А ведь если бы мы все это делали повседневно, по-серьезному, наверно же мы увидели бы, к примеру, что русские песни отнюдь не ограничиваются застывшей куплетной формой, что ее краски, формы, жанры, характер просто неисчерпаемы.

Над песней сейчас работают не только профессиональные композиторы. За это дело берутся и аккомпаниаторы, и хормейстеры, и дирижеры, привлекаемые, видимо, внешней «легкостью» создания песни. Действительно, не составляет большого труда сочинить песню, вполне грамотную с точки зрения музыкальной технологии, расставить в нотах в нужных местах нужные знаки. И такие песни сочиняются и даже издаются, и даже исполняются. Но эти ремесленные поделки не имеют никакого отношения к подлинной культуре советской песни.

Я далека от «цеховой» замкнутости и отлично знаю, что хорошую песню может сочинить даже человек, вообще не имеющий музыкального образования (достаточно напомнить в этой связи о знаменитой Оленичовой, чьи песни, исполняемые сибирскими хорами, пользуются успехом у слушателей). Но такие примеры не противоречат, а только подтверждают мою мысль о том, что создание песни есть творческий акт, а не простое пользование теми или иными приемами. Я вполне понимаю, почему покойный В. Захаров писал песни для руководимого им хора: это были действительно песни, списанные широкому слуху. Но я совершенно не понимаю, почему стали «монополистами» в своих хорах некоторые другие коллеги Захарова. Они включаются в репертуар хоров почти исключительно свои только песни, между тем как эти произведения не украшают репертуара и не радуют слушателей.

Особо следует сказать о самодеяльности. Она создает массу песен своими собственными силами, на местном материале. Этим обычно принято гордиться: вот, мол, мы сами с усами, сами песню сочинили. И бьются такие песни, которыми можно гордиться не без оснований: так, скажем, известную песню «Не сама машина ходит», если не ошибаюсь, сложил председатель алтайского колхоза. Надо, однако, честно сказать, что общий уровень самодеятельной песенной продукции крайне низок, и это грозит тем, что музыкальные вкусы массового слушателя будут не развиваться, а портиться. Чтобы этого не случилось, мне представляется крайне желательным и необходимым расширение и укрепление связи самодеятельных исполнительских коллективов с профессиональными композиторами. Это принесет обоюдную пользу: самодеятельность будет все больше осваивать профессиональную музыкальную культуру, а композиторы-профессионалы обо-

гатаются жизненным материалом, расширяют свою «слуховую базу».

Последнему обстоятельству я придаю особое значение. И музыкальный образ, и мелодия, и музыкальная фактура песни не возникают как нечто из ничего. Все это — следствие усвоения композитором всего того, что он «подслушал» в жизни, в частности в народных песнях. А песенное хозяйство народов Советского Союза исключительно богато, многообразно, и надо его знать.

Мне напоминает такой случай. Работая над одной военной песней, я попросил поэта Виктора Гусева сделать реплики-восклицания, выбивающиеся из стихотворного ритма, перебивающие его. Мне тогда казалось, что я «открыл Америку». Каково же было мое удивление, когда, спустя некоторое время, я обнаружил этот прием в старинной солдатской песне. Думаю, что и другие композиторы могут припомнить подобные случаи.

4. Сохраняя свой почерк...

Я не поклонник архаики и считаю, что песня в известном смысле должна приращиваться «моды». Так, скажем, в наше время нельзя не считаться с притягательностью для части нашей молодежи то ли темпераментных мексиканских народных песен, то ли песен «в духе Монтана».

Но ведь у нас имеют хождение не подлинные мексиканские мелодии или французские, а то, что уже обросло разными европеизированными наслоениями, обработками. И это выдвигается за национальную специфику, под этой маркой протаскивается пошлость, не воспитывающая вкуса нашей молодежи, а развращающая ее.

Советские люди с глубоким уважением относятся к культуре всех народов мира. Расширение культурных связей нашей страны позволяет нам все шире знакомиться, в частности, с современной музыкой капиталистического Запада. Стоит ли, однако, говорить, что отнюдь не все, что создается сейчас в области музыки в капиталистических государствах, представляет нам заслуживающим внимания. Стоит ли говорить, что у советских людей вызывают отвращение те произведения, которые сочиняются для отупления и развращения людей! Застрахованы ли мы от проникновения на нашу территорию песен и песенок, несущих в той или иной форме буржуазную идеологию? Разумеется, не застрахованы. Но с враждебной песней надо бороться не разговорами, а мочегуем, сильным во всех отношениях, подлинно советской песней. Изучение векового народного песенного творчества позволяет нам добиться органической связи традиций с современностью, не теряя самобытности нашей песенной культуры, национальных форм. А ведь у нас в последнее время появилось немало таких произведений, на которых нет иного опознавательного знака, кроме марки советского издательства. Убери эту марку, и не узнаешь, в какой стране эта песня создана. В ней нет ни идейности, ни народного характера, ни национального колорита.

Вспомним, как четок и определен был почерк наших песенников. Разве можно было бы подписаться кому-нибудь другому под сочинениями В. Захарова: у него было свое, только ему присущее видение жизни, свой характер языка, свое мышление. И так же у В. Соловьева-Седого. И это было одной из специфических черт советской песни. Сейчас эту замечательную традицию мы утеришь. Между тем нет и быть не может хорошей песни, которая корнями своими не уходила бы в народную почву, не была бы заключена в национальную форму. Мы говорим: «советская песня», и это — вполне определенное понятие. Но оно охватывает лишь содержание, являющееся социалистическим для всех наций, населяющих нашу страну. По форме же это всегда или русская, или украинская, или казахская, или грузинская, или латышская, или какая-нибудь иная песня. Внеациональной песенной формы, на мой взгляд, не существует. Представляются бесплодными попытки найти некие «средние»

характеров. Такие попытки делаются сейчас некоторыми композиторами, сочиняющими песни для Всемирного фестиваля молодежи и рассчитывающими на то, что чем менее будет мелодия русской, тем, дескать, легче она дойдет до молодежи, которая придет из-за рубежа. И должен сказать, что даже если бы эти расчеты и имели какое-то основание, все равно они были бы расчетами спекулятивными, линией наименьшего сопротивления.

По моему глубокому убеждению, мы должны прийти на фестиваль не с «универсальными» мелодиями, а с песнями, развивающими лучшие традиции русской культуры и культур всех других наций Советского Союза. И если это будут действительно хорошие песни, то нет никаких опасений, что их «не поймут», что они «не дойдут». Мы, разумеется, заинтересованы, чтобы советская песня гуляла по свету, но — советская, а не просто любая песня, автор которой числится советским гражданином. Нам было бы мало чести, если бы мы погнались за популярностью ради популярности, а не ради того, чтобы через нашу песню народы мира лучше поняли душу нашего народа и его устремления.

5. Коротко о пропаганде

Советским композиторам в прошлом пришлось выдержать немалые бои за чистоту советской песни, оберегая ее от чужеродных влияний, от пошлости и бессодержательности. Сейчас, на мой взгляд, эта борьба ослаблена, и ослаблена при попустительстве наших руководящих искусствственных организаций и тех, от кого зависит судьба песни, хотя опасность засорения нашей земли отбросами капиталистической культуры отнюдь не миновала. В чем выражается это попустительство? Недостаточно критически отбирают песни и те организации, которые занимаются пропагандой ее. Это прежде всего относится к эстраде, но и не только к ней. Не чувствуется ясной линии в этом отношении на радио. Конечно, это хорошо, что круг авторов, произведений которых передаются по радио, расширился, но создается такое впечатление, что по радио сейчас могут передать любую песню, что оценка произведений при приеме их на радио оказывается недостаточной принципиальной.

Кроме того, работники радио словно совсем забыли, что у нас наболен уже большой песенный фонд, достойный самой широкой пропаганды, популяризации. Почему же не сделать его достоянием миллионов слушателей и особенно молодежи, почему не организовывать систематически передачи лучших советских песен, предвзявляя это краткой беседой об авторе, о жанре песни, о ее художественных достоинствах. Ведь только так можно привить молодежи хороший вкус, отвлечь ее от «боевиков», «шлягеров» типа пресловутого «Мишки», запомнившего сейчас был молодежи. Совершенно бесконтрольно действуют такие пропагандисты песни, как кинемеханики, работники радиоузов в поездах и т. п. Они «крутят» пластинки по своему вкусу, а вкус у многих из них, увы, зачастую весьма дурной и пошлый.

Говоря о пропаганде песни, нельзя молчать о проблемах воспитания музыкального вкуса. Дело это поставлено из рук вон плохо. Из школы люди выходят без знания нот, и руководители художественной самодеятельности все чаще жалуются на трудности организации хоров. Отсутствие хорошего музыкального вкуса и приводит к тому, что молодежь охотно подхватывает низкопробные песенки, не умея отличить хорошего от дурного, настоящего искусства от подделки под него.

И еще один вопрос — исполнительство. И здесь организации, ведущие музыкальную пропаганду, проявляют полнейшее безразличие, не по-хозяйски относятся к тому, что у нас было достигнуто и что надо дальше развивать. Все мы знаем таких замечательных исполнителей советской песни, как П. Киричек, М. Михайлов, Е. Флаке, В. Нечаев. Поощряли ли их за тот огромный труд, который они вкладывали в дело пропаганды советского песенного творчества, за ту поистине бескорыстную помощь, которую они оказывали нам, композиторам-песенникам? Никто и никогда. А ведь исполнение новой песни во стократ труднее, чем исполнение какой-нибудь известной арии, романса, где существуют уже традиции, «эталонные».

Да, бесхозяйственно относились мы, и особенно в последние годы, ко всем своим достижениям, творческим успехам. А теперь хватаемся за голову и кричим, что-де у молодежи низкие, дурные вкусы, никак не соответствующие тем большим делам, которые они творят во благо расцвета нашей страны.

* * *

Счастье советских композиторов в том, что нам есть что воспевать: наши советские люди, наша социалистическая действительность дают нам такой богатейший жизненный материал, какого не знали композиторы в прошлом и не знают сейчас в капиталистических государствах.